

9 СЕН 40

Театр Красной Армии

Четверть века назад Марьяна роца была средоточием самой невероятной человеческой глупости в Москве. Бюрократ, помойная яма — так звалась она на всю Россию.

Двадцать лет Марьяна роца чистится, заливается асфальтом, застраивается.

Поднимают клубы едкий гнил. падают дупиники и дубарки; прорубаются прямые улочки среди козачьих тушиков и переулков.

Летом парк Центрального Дома Красной Армии, все театры и эстрадные площадки заполняются не только коммандирами и бойцами нашими, но и десятками тысяч людей, пришедшими сюда с улиц Марьяной роцы.

Культура и Марьяна роца были недавно понятиями, противоположными и исключавшими друг друга.

Сейчас они слились воедино.

Сейчас Марьяна роца и ее обитатели покажут вам здание нового театра Красной Армии, видное отовсюду, и скажут: вот что мы получили недавно. Это новое, это театр Красной Армии и театр обновленной Марьяной роцы.

...Обо всем этом мне глумлюсь, когда я ходил по театру, возмущенному на месте ветхих лачужек и пыльных пустырей.

Разумеется, два архитектора — Алабян и Симбирцев сделали все, чтобы театр нравился народу и был до предела удобен актерам, режиссерам, драматургам и художникам.

Зрительный зал на тысячу девятьсот мест, напоминающий римские театры, так портативен, так уютен и удобен, как ни в одном театре.

Сцена, смонтированная инженером Мальпиным, представляет собой последнее слово театральной техники. Сцена вся раздвигается, расползается; куски ее при нажатии кнопки уходят вниз или поднимаются, создавая горы и провалы; пульт электрического управления напоминает внутренность поводной лодки; распределительный щит вызывает чувство искреннего уважения; декоративные, столарные, костюмерные, бутылочные мастерские огромны, светлые, умно соединены со сценой; комната помощника режиссера похожа на диспетчерскую какого-нибудь железнодорожного узла; ему подчинены все громы, ветры, колокольные звоны, пушечные выстрелы и тому подобное.

Разумеется, уборные для артистов, расположенные в шести этажах, отвечают самому высказательному вкусу и всем правилам гигиены и санитарии.

Само собой понятно также, что мебель в театре сделана из лучших сортов дерева; обивка — из красивых материй; картины и плафоны принадлежат кисти известных наших художников — тут и А. Герасимов, и Дейнека, и Соколов-Скаля, и Фейнберг, и Фаворский, и Бруни, и многие другие.

Конечно, все здесь самое передовое, такое, как наши самолеты, танки, орудия.

Конечно, народ дал для Центрального театра Красной Армии все лучшее, как по славной традиции все лучшее он отдает лучшему, что у нас есть, — нашей армии.

И все это очень волновало меня, когда с режиссером Тункелем мы ходили по театру, по величественным вестибюлям, сочным фойе, по залулкам и коридорам здания.

Театр потребует площади, которая по величезности и гармоничности должна гармонировать с ним. Театр потребует парка вокруг себя! Он потребует, чтобы доминиканцы и лачужки, оставшиеся от старой Марьяной роцы, были снесены и заменены новыми домами, которые бы гармонизировали со всем окружающим.

И вель все это будет сделано, все это уже запроектировано! Значит, на самом деле окрамка перестает быть ею, и центр с его театрами и защитным светом улицами перестал быть далеким, ибо Марьяна роца становится сама центром огромной части столицы! Но это лишь внешняя сторона дела.

А художественное воздействие театра и расширяющегося Центрального Дома Красной Армии на умы, на вкусы населения — разве это не самое главное, не самое драгоценное, что принесет в нашу жизнь этот новый театр!

Новый театр. Он действительно новый не только потому, что построено новое, необыкновенное по размерам и по внутреннему устройству здание.

Руководитель театра Алексей Попов получил такую сцену, на которой он реализует свои замыслы.

— Впервые, — сказал Алексей Попов, — мы реализуем все технические возможности нашего театра в пародно-теоретической трагедии «Емельян Пугачев». Затем пойдут пьесы советских драматургов, которые работают для нас специально, учитывая технологические особенности театра.

Сама сцена исключает натуралистическое построение сценического образа и режиссерской партитуры. Зеркало сцены настолько велико, что театр обязан ежесекундно руководить вниманием зрителя. Иначе зритель, предоставленный самому себе, расплывется по всей сцене, не сможет охватить ее, не сможет сам отобрать главное от неглавного. Проблема актерской выразительности становится во всю остроту.

Все это вместе взятое должно привести театр к искусству монументальному, реалистическому, выразительному, яркому.

Можно поздравить Красную Армию с новым отличным подарком правительства. Можно поздравить советское искусство и народ, который это искусство любит и ценит, с новым замечательным театром.

Можно поздравить работников театра — они получили все мыслимое для плодотворной творческой работы. Им много дано. С них много и спросится.

Н. ВИРТА.